

УДК 82-1/-31

**РОМАН С.И. ЩЕПОТЬЕВА «ПРЕДАНЬЯ РУССКОГО СЕМЕЙСТВА».
ЖАНР, КОМПОЗИЦИЯ, ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ**

Ключевые слова: эпопея, предание, цикл, род, семья, судьба.

Статья знакомит с недавно вышедшим романом-эпопеей петербургского писателя С.И.Щепотьева. Цикл романов анализируется с точки зрения жанровой принадлежности и композиции. Особое внимание уделено вопросам интертекстуальности.

Для русской литературы последних десятилетий характерны как попытки возвращения к традиционному классическому роману, так и различные жанровые трансформации в поисках нового стиливого своеобразия, интертекстуальность, переосмысление вечных сюжетов и обращение к архаичным, фольклорным жанрам.

Представленное произведение «Преданья русского семейства» – это роман-эпопея из шести книг. Петербургский писатель С.И. Щепотьев, филолог и киновед по образованию, автор литературоведческих очерков, работал над «Преданьями ...» почти 30 лет. Начало работы над романом датируется 1973 годом, завершение относится к 2000 году, однако только в 2016 г., наконец, были изданы первые три части под одной обложкой [9]. Четвёртая книга «Ангелы ночи, демоны рассвета ...» – самый короткий роман, появился в печати первым – в 2005 г., пятая книга «Поколение (Такая наша доля)» – в 2006 г.

Проза Сергея Иосифовича Щепотьева необычна, прежде всего, непопулярностью жанра, пугающим объёмом и хронологическими рамками, охватывающими три века российской государственности и бытия одной семьи: от XVIII до XX вв.

Название цикла заимствовано из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Строки: «...Просто вам перескажу / Преданья русского семейства. / Любви пленительные сны / Да нравы нашей старины», – предпосланы автором в качестве эпиграфа.

В коротком предисловии «От автора» С. Щепотьев пишет, что «в основе повествования – факты, а более – семейные легенды, уходящие в романтические седины XVIII века» [9, с.7].

Словарь С.И. Ожегова фиксирует определение предания как «переходящий от поколения к поколению рассказ о былом, легенда» [3, с.500]. Это рассказ о прошлом, изображающем реальные события, но с некоторой долей вымысла, фольклорный жанр, некая «устная летопись», передаваемая из поколения в поколение, а следовательно, подвергающаяся при передаче и вольной интерпретации, и искажениям, превращающаяся постепенно в легенду или даже в миф. Одним словом: « ... Дела давно минувших дней, / Преданья старины глубокой».

Особенностями жанра предания являются, – с одной стороны, установка на историческую достоверность, с другой, – предание, имея право на художественный вымысел, предлагает собственную интерпретацию истории. Главным при этом остаётся сохранение и передача памяти. Автор, выбрав такой жанр, становится неуязвимым для критики. Правда, исторические деятели чаще всего в преданиях предстают в идеальном виде, чего нельзя сказать о романе Щепотьева, у которого свой взгляд на исторические события. Перед нами проходит множество исторических персон и известных людей. Главные герои повествования – представители рода Алфёровых –оказываются вовлечёнными в эпохальные события России XVIII – XX веков, становясь их свидетелями и очевидцами, знакомятся с известнейшими людьми своего времени, проходят испытания временем и судьбой.

Многие коллизии, в которые попадают герои романа, кажутся легендарными, надуманными, иногда – с элементами сказочности, однако сам жанр это позволяет. Автор пытается передать неповторимый колорит каждой изображаемой эпохи.

Чётко обозначены хронологические рамки. «В ночь на 26 июня 1770 года кончилась суточная передышка в Чесменской бухте Эгейского моря у скалистого острова Хиос ...» [9, с.10] – так начинается роман «Перебежчик» (1975–1978). «К одной из шлюпок подплыл, придерживаясь за обломок мачты, турок с почерневшим от копоти лицом и опалённой бородой. Кто-то из гребцов уже поднял весло <...>. Но турок крикнул: “*He нада!*...” Так осталась позади вся его прошлая жизнь ...» [9, с.11]. Короткой романтической завязкой лихо закручивается сюжет авантюрного по жанру романа. Главному герою всего 24 года, он турок-перебежчик Осман, взятый при Чесме. Автор кратко рассказывает предысторию. «Отец его, Селим-паша, был капиджи – чиновник султана Махмуда I.

Киоск, то бишь небольшой дворец, Селима-паши находился на окраине Стамбула, неподалёку от развалин величественного Саадабадского дворца, разрушенного Махмудом после того, как <...> он захватил власть. Маленький Осман много слышал о прекрасном дворце и периоде его роскоши и красоты, получившем название Ляле деври – Эпоха тюльпанов. Мать рассказывала, что её отец, как, впрочем, и все тогда, выращивал эти изумительные цветы. Стамбул – огромный, многоязычный, с шестьюстами тысячами населения, не считая женщин, – утопал в тюльпанах – белых и красных, махровых и пёстрых, садовых и диких<...>Потом всё это осталось лишь в памяти современников да в легендах бродячих рассказчиков – меддахов» [9,11]. В стихах С. Щепотьева часто повторяется образ-символ *тюльпаны*, словно воспоминание о прародине, знак генетической памяти, например: «Море тюльпанов – бушующих вёсен, / Бархатный зной летних ночей»[7, с.17].

Создавая колорит далёкой Турции, автор вплетает в повествование арабские слова, объясняет значение большинства из них, но некоторые требуют комментария, например, *улема, хараджи, мудерис, медресе, муласим, карагёз* – театр теней. Крещённый в России Осман становится Алексеем, его отчество Селимович превращается в Сулейманович, а женившись на дочери воронежского помещика Алфёрова Анастасии, он получает русскую фамилию. С этого момента С. И.Щепотьев ведёт историю рода Алфёровых. Крёстными перебежчика становятся Екатерина Великая и генерал-аншеф Алексей Орлов, «красавец и силач, авантюрист и дебошир» [9, с.10].

Каждая книга цикла начинается с эпитафии. Эпитафия к первой книге взят из 5 письма от Эрнеста к Доравре из романа Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры»: «О ты, жестокая судьба!/ Влеки меня отселе поскорее в неизвестные страны!». Фёдор Александрович Эмин(1735 – 1770) – писатель и переводчик, личность легендарная и одна из самых таинственных в истории русской литературы. Происхождение его неизвестно. По версии С.Щепотьева, настоящее имя Фёдора Эмина – Магомед али Алжирский, участник алжиро-туниской войны. Полковник Магомед становится примером для подражания для маленького Османа, за ним едет Осман в далёкую Россию. Автор «Преданий ...» собирался писать повесть о первом русском романисте Ф. Эмине; к сожалению, замысел не превратился в отдельную книгу, но стал одной из сюжетных линий эпопеи.

В предисловии «От автора» С.И. Щепотьев настаивает, что его произведение «не исторический роман и не семейная хроника. <...> В основе повествования – факты, а более – семейные легенды, уходящие в романтические седины XVIII века. Герои романа, хоть и имели прототипов в действительности, могут, однако, считаться вымышленными» [9, с.7].

Произведение С.И. Щепотьева имеет подзаголовок – роман-эпопея в шести книгах. Роман в нескольких книгах, события которого охватывают три века, – явление редкое в отечественной литературе. Автор, определяя название и жанр, апеллирует к А. С. Пушкину и Л. Н. Толстому.

Эпопея Щепотьева соответствует законам жанра: большой объём – 6 книг; большой временной диапазон – от эпохи Екатерины Великой до наших дней; широкий охват пространства – Воронежская область и Америка, Петербург и Турция, Харьков и Варшава, Иркутск и Марокко – далеко не полная география цикла романов. В эпопее представлены разные слои населения, несколько основных сюжетных линий и много героев, наконец, все события происходят на широком историческом фоне, в центре которого судьба семьи и судьба народа, вечные темы: власть и личность, интеллигенция и народ. Легенды одной семьи, рассказы о прошлом, передаваемые из поколения в поколение, как и принято в преданиях, и соотношений событий прошлого с настоящим днём.

Замысел книги возник случайно. «Как-то летом 1969 г. в одном из многочисленных разговоров о предках отец бросил: "Ты вот всё пишешь – об этом бы написал!" И мать добавила: "А что, Серёжка, подумай: написать историю рода!" Он и вправду задумался» [1, с.171]. Первая книга была написана достаточно быстро и почти не подвергалась правке. Хронологически она заканчивается 1799 г. «В последний год уходящего XVIII века Россию озарило солнце рождения Александра Пушкина. А во Франции грозной тенью взошёл на престол Наполеон Бонапарт» [9, с.263]. Замысел второй книги «Пока сердца для чести живы» менялся, прежде всего, хронологически. В результате эта книга охватывает события с ночи на 12 марта 1801 года до майской ночи 1829 года, когда главному герою второй книги Николаю Алфёрову кажется, что он видел Пушкина. «Никто не знает, был ли это великий поэт. Но спустя многие десятилетия будут в Воронеже рассказывать эту легенду – и очень возможно, не без оснований: в том самом, 1829-м году, Пушкин действительно проезжал по этим местам, стремясь в Арзрум ...» [9, с.427]. Эпитафия взят из «Войны и мира» Л.Н. Толстого: « Царь – раб истории. История, то есть бессознательная, общая, роевая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя, как орудием для своих целей» [9, с.268]. В первоначальном наброске плана второй книги Щепотьев даёт себе установку: «Исторических личностей – минимум! Пушкин – проездом, ночью. Фон должен быть только обозначен» [1, с.174]. Однако роман изобилует историческими персонажами: Г.Р.Державин, Д.И.Фонвизин, «российский Колумб»

Г.И.Шелихов, светлейший князь А.А.Безбородко, светлейший князь Г.А.Потёмкин, А.Н.Радищев и многие другие известные исторические личности населяют только вторую книгу романа. Густонаселённость персонажами не мешает лаконичности изложения, кинематографичности в описаниях. Иногда кажется, что читаешь сценарий, тем более, что автор часто использует приём монтажа. И стилистически, и тонально, и жанрово все шесть частей разные. Книга первая – авантюрный роман, наполненный романтическими приключениями и странствиями; романтизм с элементами реализма, достаточно напряжённый сюжет, но уже не такой динамичный, как в первой книге, духовные искания главных героев характеризуют вторую книгу. Третья книга цикла, начиная с названия «Пора унылых сожалений», задающего тональность и минорное настроение, писалась мучительно и долго. Сама эпоха такова: «горечь Крымской войны, трагедии больше, кровь. Реформа 1861 г. – тоже горечь, хоть это и праздник» [1, с.173]. Впрочем, заканчивается третья книга вполне оптимистически: «Так среди взрослой, полной ожесточённости и сожалений жизни всплывает воспоминание о яблоне, на которой так хорошо сиделось в детстве, о игрушечной сабельке и лошадке. О запахе ёлки в гостиной и вкусе укропа на раскалённой летним солнцем грядке или о намалёванном на детских санках розовом бутоне» [9, с.596]. Так замыкается кольцевая композиция, принцип возвращения к началу, древний принцип цикличности, свойственный роману Сергея Щепотьева в целом.

Третья книга заканчивается комментарием, так как полна реминисценциями и литературными аллюзиями. Посвящение Боброва в масоны отсылает к «Войне и миру», многие поступки этого героя напоминают поведение Нечаева, известного террориста, ставшего прототипом Петра Верховенского в «Бесах» Ф. М. Достоевского, сцена приезда Софьи Саввишны к сыну – пародия свидания Анны Карениной с Серёжей. С. И. Щепотьев переименовывает фамилии известных писателей второй половины XIX века, довольно фамильярно обращаясь с классиками. Так И. С. Тургенев выступает под фамилией Кармагенов, Н.А. Некрасов становится Прикрасовым, а Ф.М. Достоевский – Достославским, в Голь-Трояновском узнаем Н.В. Гоголя, Удадьцов – А. Кольцов, Белишевский получился в результате соединения фамилий двух известных критиков – Белинского и Чернышевского, А. Н. Островский превратился в Архипелагова, а Ап. Григорьев – в Бельведерского, наконец, Ямщиков-Кудрин – это М.Е. Салтыков-Щедрин и др. [2, 597 - 598]. Шутит Щепотьев иногда остроумно, иногда – саркастически зло.

Название четвертой книги возникло из последней строки сонета автора, ставшего одновременно увертюрой и эпиграфом к ней. Действие романа происходит в театральной среде, географически передвигаясь из Варшавы в Одессу, затем в Петербург и снова Одесса, любимый город автора, в котором он родился, где прошли его детство и юность. Может быть, поэтому четвёртая книга стала самой поэтической и романтической из всего цикла. Так же, как и в других романах эпопеи здесь наравне с вымышленными героями, представителями семей Поповских и Степняков, действуют знаменитые исторические деятели, такие как М.Чюрлёнис. С.Уточкин, И.Поддубный. В «Ангелах ночи, демонах рассвета...» особенно заметно, что С. Щепотьев – поэт, и перед нами лирическая проза поэта, с присущей ей особым ритмом, метафоричностью, лаконизмом и эмоциональностью. «Таял в предвечернем воздухе весенний день – один из первых весенних дней, когда на смену зябкой сырости межсезонья приходят ароматы ожившей земли, набухающих почек и коры, почувствовавшей движение застывших на зиму древесных соков. Небо, подарившее городу ангельскую кроткую голубизну, блёкло, удерживая ещё то там, то тут, на лёгких кружевах облачков розовые блики спрятавшегося за горизонт солнца. Изящные, словно тонко прочерченные тушью, верхушки деревьев тянулись с пробудившейся земли ввысь, навстречу несмелым ещё, бледным звёздочкам и узкому серпичку полумесяца: то Вечность смотрела с небес на рождение новой своей земной дочери – Весны 1899 года» [6, с.8]. Заканчивается эта часть – пролог к основной, пятой книге «Поколение» – символически данной картины наступления нового года и нового века. «Так летела с востока на запад по великой стране новогодняя полночь, увлекая Россию, и соседние с нею государства, и все народы земли в новое столетие. И звенели повсюду бокалы: и в пышных собраниях, и в домах обывателей, и всех, кто лишь не спал, слишком утомлённый дневными трудами, по весям и городам. И пели ангелы ночные уснувшим детям, <...> на мгновение в этой изумительной симфонии света над горизонтом явилась <...> белая фигура <...> благословляя на добро и любовь, предостерегая от ненависти и жестокости, защищая от уже стремящегося вырваться на поверхность из недр земных вечно, бездонного, безграничного зла, вселяя в детей своих надежду на торжество веры, истины и жизни на тернистом пути нового века» [6, с.136]. Эта концовка вызывает ассоциации с последней страницей второго тома романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», когда Пьер видит комету и думает, что она сулит России, людям, ему самому. И снова закон поэтического кольца, автор возвращает повествование к тому, с чего начинается рассказ в каждой новой книге. Более того, последняя, шестая книга «Путь» заканчивается эмиграцией потомка Ос-

мана – Алексея, главного героя «Перебежчика», в Германию, так структурно и философски, циклически замыкается круг скитаний и исканий героев эпопеи.

«Глобальная пятая часть могла бы сама по себе носить звание романа-эпопеи. Эта книга ближе всего к пастернаковскому «Доктору Живаго». Но слишком отличается от него...» [5, с.5]. «Поколение» («Такая наша доля») представляет собой трагическую панораму быта и бытия первой половины XX века. География романа: от России и Украины до Франции и Германии, от Турции до Марокко. Стилистика и композиция этой части в четырёх томах принципиально отличается от предыдущих книг цикла и включает в структуру повествования тексты газет, различные документальные материалы, дневниковые записи, переписку частных лиц, приближая эпоху и донося до наших современников живое дыхание прошлого, позволяя слышать голоса ушедшего века, запечатлевшие своё время, заставляя соотнести исторические события с сегодняшним днём, напоминая лишний раз, что мы читаем «Предания...», почти фольклорный жанр, но очень живой, удивительно современный и актуальный, потому что и мы, читатели, представители того народа, история которого рассказана в эпопее.

М.Швец в предисловии к книге «Поколение» пишет, что «главный герой всех шести книг – время. Вкус времени, его звук, его смысл, его неповторимость, его ветреную, переменчивую душу ощущаешь повсюду» [5, с.6].

Автор «Преданий ...», С.И. Щепотьев, констатирует: «Бунин считал, что Россию “пролузгало” простонародье. Розанов – что её интеллигенты “проболтали”. А я скажу: и проболтали, и – как следствие – пролузгали. Это ощущается до сих пор. И об этом мой роман» [8, 1, с.174].

Роман о России, её трагическом пути, о вечном противостоянии народа и интеллигенции, о дворянстве и крестьянстве, о драматической судьбе нескольких поколений, но в центре – история одной семьи во взаимоотношениях и отталкивании с другими семьями, история рода, вплетённая в историю народа, на фоне российской жизни трёх последних веков. Конечно, под влиянием времени и обстоятельств меняется и семья, но остаются неизменными родовые семейные традиции и ценности, благодаря которым формируется личность и осуществляется преемственность поколений.

«Меняется воздух, меняются формы и очертания, меняются имена, меняются надежды и чаяния, но остаются незыблемыми семья, род, народ; рождение, любовь, смерть и возрождение в детях» [5, с.7].

Итак, – приглашает нас к чтению и сопереживанию автор – «придвинемся же ближе к очагу романтики, раскурим свои трубки, и пусть в клубах ароматного дыма возникнут очертания далёкой старины, где теряется след преданий русского семейства...» [9, с.7].

Литература

1. Лимба, Т. Сергей Щепотьев и его роман “ Преданья русского семейства” //С. И. Щепотьев Поколение. (Такая наша доля). – СПб., 2006. – С. 169–180 с.
2. Лимба, Т. Комментарий к третьей книге «Преданий русского семейства» // С. И. Щепотьев «Преданья русского семейства» / Сергей щепотьев. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – С. 597–598.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. / С.И.Ожегов. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
4. Солохин, Н. Парадигмы Сергея Щепотьева, или по следам романа «Преданья русского семейства» / « Какая быстрая дорога...». – СПб.:изд-во «Гул толпы», 2015. – С. 14 –16.
5. Швец, М. Метафизика романа «Преданья русского семейства» / М.Швец / Щепотьев С. И. Поколение. (Такая наша доля). Т. 1. – СПб, 2005. – С. 3–7.
6. Щепотьев, С.И. «Ангелы ночи, демоны рассвета ...». / С.И.Щепотьев. – СПб, Тосно: изд-во «Прана», 2005. – 136 с.
7. Щепотьев, С. И. Дарю вам этот мир. / С.И.Щепотьев.– СПб, Реноме, 2011. – 32 с.
8. Щепотьев, С.И. Поколение (Такая наша доля): В четырёх томах. СПб. (Т. 1, 2005. – 172 с.; Т.2, 2006. – 168 с.; Т. 3, 2006. – 174 с.; Т. 4,2006. – 182 с.)
9. Щепотьев, С. И. Преданья русского семейства. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – 600 с.

N.D. Strelnikova

Saint-Petersburg State Electrotechnical University “LETI”, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: tashastrel@mail.ru

Shipotyev`s epic novel “Legend of Russian family”. Genre, composition, intertextuality

Key words: epic, legend, cycle, family, fate genre

The article introduces the epic novel of the Saint Petersburg writer S.I. Shipotyev which has been published recently. The cycle of the novels is considered from genre attribute and composition viewpoint. The special attention is focused on the question of intertextuality.